

**Сибирский
Ледяной поход.
Воспоминания**

Российская академия наук
Институт славяноведения

С. А. Щепихин

Сибирский Ледяной ПОХОД

Воспоминания

Под редакцией
доктора исторических наук
А. В. Ганина

 фонд СВЯЗЬ
ЭПОХ

Издательский центр
«Воевода»

Москва
2020

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6 + 63.3(2)612
Щ57

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Рецензенты:

д. и. н., зав. отделом Е. П. Серапионова (Институт славяноведения РАН)
д. и. н., с. н. с. А. Ю. Безугольный (Научно-исследовательский институт военной
истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ)

Рекомендовано к печати Ученым советом Института славяноведения РАН

Издательская программа Фонда «Связь Эпох»

Щепихин С. А.
Щ57 Сибирский Ледяной поход. Воспоминания / под ред. А. В. Ганина; под-
гот. текста, вступ. ст., примеч. А. В. Ганина. — М.: Фонд «Связь Эпох»; Изда-
тельский центр «Воевода», 2020. — 512 с.; 16 с. ил.

ISBN 978-5-9907253-1-7

Публикуемые впервые дневник и воспоминания видного деятеля Бе-
лого движения на Востоке России, начальника штаба Восточного фронта
белых, Генерального штаба генерал-майора Сергея Арефьевича Щепихи-
на охватывают наименее известный период истории Гражданской войны
на Востоке России в конце 1919 — первой половине 1920 г. Вошедшие в из-
дание свидетельства касаются отступления остатков колчаковских войск
по Сибири под командованием генералов В. О. Каппеля и С. Н. Войцехов-
ского, а также их пребывания в Забайкалье и взаимоотношений с атама-
ном Г. М. Семеновым и японскими интервентами.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6 + 63.3(2)612

ISBN 978-5-9907253-1-7

На фронтисписе:

Генерал С. А. Щепихин со знаком
«За Сибирский Ледяной поход»

Около 1920

Фото предоставлено Е. В. Волковым

© Ганин А. В., подгот. текста, вступ. ст., примеч., 2020
© ИП Евдокимова А. А., оригинал-макет, 2020
© ООО «Издательский центр «Воевода», издание, 2020

Содержание

А. В. Ганин

«Роль, выпавшая на мою долю... далеко не рядовая...»: **6**
Генерал-майор С. А. Щепихин и его мемуарное наследие

А. В. Ганин

Дневник Сибирского Ледяного похода и воспоминания **46**
о событиях 1920 года в Забайкалье генерала С. А. Щепихина
как исторический источник

Сибирский Ледяной поход **71**
белых армий в 1919–1920 годах

Каппелевцы в Чите в 1920 году, **329**
или Японская интервенция

Примечания **476**

Список сокращений **506**

Именной указатель **507**

«Роль, выпавшая на мою долю... далеко не рядовая...»: Генерал-майор С. А. Щепихин и его мемуарное наследие

Сергей Арефьевич Щепихин происходил из семьи уральского казачьего обер-офицера единоверческого вероисповедания (единоверцы использовали в богослужении старый обряд, но являлись частью Православной церкви). Он родился в поселке Январцевском станицы Кирсановской Уральского уезда Уральской области 1 октября 1880 г.¹ в семье Арефия Петровича Щепихина и Марии Щепихиной (урожденной Щучкиной^{II}). Арефий Петрович учительствовал в Январцевской школе до 1878 г., затем в 1881 г. окончил Оренбургское юнкерское училище по 1-му разряду подхорунжим и был произведен в хорунжие (по имеющимся данным, дослужился до подьесаула). В семье было двое сыновей – Петр, родившийся 4 октября 1877 г., и Сергей.

Сергей также избрал военную карьеру. Он окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1908), причем во всех этих учебных заведениях

обучался вместе с будущим оренбургским атаманом А.И. Дутовым, с которым судьба не раз сведет Щепихина в Гражданскую войну.

В училище Щепихин стал портупей-юнкером^I, что присваивалось лучшим юнкерам. Более того, в училище Щепихину присудили учрежденную еще в 1879 г. премию генерал-адъютанта князя В. А. Долгорукова, полагающуюся двум лучшим выпускникам по выбору педагогического комитета училища^{II}. Балл Щепихина по всем предметам составлял 11,29, а средний балл – 11,28 из 12 возможных. Размер премии на 1900 г. составлял 256 руб. 50 коп., что было солидной суммой.

Свою офицерскую службу Щепихин начал в 19 лет в 1900 г. хорунжим во 2-м Уральском казачьем полку, командиром которого через 17 лет ему предстояло стать. В мирное время полк стоял в Самарканде.

Стремление к образованию, интерес к военной науке сопровождали Щепихина на протяжении всей его военной службы. В мае 1901 г. он был командирован в Ташкент для изучения телеграфного, гелиографного и подрывного дела; окончил на «отлично» курс обучения саперному делу^{III}. В 1903 г. любознательный офицер прошел два этапа испытаний и поступил в Николаевскую академию Генерального штаба.

В конце мая 1904 г. Щепихин по собственному желанию отчислился из младшего класса академии^{IV}, а уже в июне отчислился из полка в войско на так называемую льготу (3–4-летний обязательный перерыв в службе казачьего обер-офицера, вызванный необходимостью развертывания казачьих полков 2-й и 3-й очереди в случае войны). Высочайшим приказом от 1 июля он был произведен в сотники на вакансию за выслугу лет. В дальнейшем Щепихин состоял членом комиссии по освидетельствованию казаков, учрежденной при управлении атамана 1-го отдела войска, являлся помощником заведующего Горячинским сборным

^I Все даты до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

^{II} РГВИА. Ф. 330. Оп. 57. Д. 410. Л. 241 об.

^I РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 310–014. Л. 91 об.

^{II} РГВИА. Ф. 725. Оп. 38. Д. 255. Л. 1, 3.

^{III} РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. П/с 326–620. Л. 128 об.

^{IV} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1268. Л. 7 об.

Успеваемость подьесаула 4-го Уральского казачьего полка С. А. Щепихина в старшем классе академии (1906/07 учебный год)¹

Предмет	Балл
Военная администрация	10,5
Военная администрация (практические занятия)	10
Стратегия	10
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	10; 10; 10
Тактика (практические занятия)	11
Военная статистика (русская; иностранная; средний балл)	9; 10; 9,5
Военная история (1870–1871; 1877–1878; средний балл)	10; 10; 10
Сведения по части инженерной	11
Фортификация (практические занятия)	10
Русский язык	–
Французский язык	9,5
Немецкий язык	10
Английский язык	10
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл). Полковник А. К. Баиов	9,5; 8; 8,8

Лучшими результатами Щепихина в старшем классе были баллы по инженерному делу, военной администрации и практическим занятиям по тактике.

Средний балл за темы дополнительного курса для С. А. Щепихина был не очень благоприятен – 9,4 (см. табл. 3), тем не менее он сумел успешно окончить академию и при выпуске получил чин есаула.

пунктом для обучения молодых казаков, а 10 октября получил назначение в 4-й Уральский казачий полк.

Щепихин участвовал в Русско-японской войне, в том числе в знаменитых кавалерийских набегах на Инкоу в декабре 1904 – январе 1905 г. и на Фукумынь в мае 1905 г., в сражениях при Сандепу и под Мукденом, в разведках к реке Ляохэ. За боевые отличия он был награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а также чином подьесаула (1905).

Вновь поступил в академию Щепихин в 1905 г. В период обучения он имел следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

Успеваемость сотника 4-го Уральского казачьего полка С. А. Щепихина в младшем классе академии (1905/06 учебный год)¹

Предмет	Балл
Военная администрация	12
Тактика	10
Тактика (практические занятия)	9
История военного искусства общая	11
История военного искусства в России	10
Политическая история (русская; общая; средний балл)	10; 9; 9,5
Сведения по части артиллерийской	8
Сведения по части инженерной	11

Лучший результат в младшем классе Щепихин имел по военной администрации, инженерному делу и общей истории военного искусства. Хуже всего отвечал по артиллерии. При переходе на дополнительный курс получил следующие баллы (табл. 2).

¹ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 80 об., 93 об., 104 об., 109 об., 113 об., 114 об., 119 об.; Ф. 977. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

¹ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 23 об., 27 об., 31 об., 50 об., 61 об., 65 об., 78 об., 82 об., 91 об., 97 об., 101 об., 123 об., 155 об.; Д. 1384. Л. 348 об.

Дневник Сибирского Ледяного похода и воспоминания о событиях 1920 года в Забайкалье генерала С. А. Щепихина как исторический источник

Публикуемые впервые дневник С. А. Щепихина «Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–20 гг.» и воспоминания «Капеллевы в Чите в 1920 году, или Японская интервенция» сохранились в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета в США и неизвестны большинству специалистов по истории Гражданской войны в России и Белого движения¹.

Эти материалы представляют собой авторизованный машинописный текст с рукописными исправлениями. Судя по расписке Щепихина от 23 февраля 1933 г., дневник был продан им в 1933 г. Военной библиотеке Гувера, скупавшей свидетельства по истории Гражданской войны в России: «Проданную Военной библиотеке Гувера² в Калифорнии мою рукопись “Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–20 гг.” обязуюсь не передавать в копию ни в какое

другое учреждение и в печать»¹. За это Щепихину обещали выплатить 150 долларов.

Дневник Сибирского Ледяного похода является документом исключительной исторической ценности, поскольку представляет собой одно из самых детальных описаний предыстории и хода грандиозного отступления белых армий Востока России по Сибири в Забайкалье в конце 1919 – начале 1920 г. В некоторой степени дневник пересекается с частью воспоминаний Щепихина «Конец Белого движения в Сибири».

Хронологически те события отступления главных сил колчаковских армий, которые впоследствии получили наименование Сибирского Ледяного похода, охватывали период с середины ноября 1919 г., когда белые оставили Омск, до середины февраля 1920 г., когда отступающие войска добрались до Забайкалья.

Обрисую ту обстановку, которая предшествовала Сибирскому Ледяному походу.

В ходе Тобольско-Петропавловской операции части Красной армии в середине октября 1919 г. перешли в наступление на Восточном фронте. Боевой состав колчаковских армий к 25 октября 1919 г., по данным советской разведки, насчитывал 40 150 штыков, 13 614 сабель, 173 легких и 19 тяжелых орудий, 587 пулеметов². У красных на Восточном фронте к 1 ноября 1919 г. имелось 91 402 штыка, 7296 сабель при 304 орудиях и 1211 пулеметах³.

29–30 октября 1919 г. красные заняли Петропавловск и начали практически безостановочное преследование белых вдоль Транссибирской магистрали. В ходе наступления к Петропавловску темп продвижения частей 5-й советской

¹ Ранее публиковался лишь краткий отрывок из дневника Щепихина о походе капеллецев мимо Иркутска: *Щепихин С. А.* Страницы из дневника / публ. П. А. Новикова // *Земля Иркутская.* 2006. № 3 (31). С. 107–110.

² Гувера.

¹ *Щепихин С. А.* Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–20 гг. Дневник генерала русской службы С. А. Щепихина – бывшего начальника штаба войск белых армий в период Ледяного похода через Сибирь // *НИА. S. A. Shchepikhin collection.* Вых. 1. Страница не нумерована.

² Подробнее см.: *Ганин А. В.* Реконструкция боевого расписания казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока по состоянию к 25 октября 1919 г. // *Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Исторический альманах.* М., 2005. № 8. С. 302–304.

³ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1978. Т. 4: Материалы, указатели. С. 111.

армии достигал 16–18 километров в сутки¹. С окончанием Тобольско-Петропавловской операции организованное сопротивление колчаковцев было сломлено, началось методичное добивание остатков белого Восточного фронта. Положение белых усугублялось всплеском эпидемии тифа.

Главнокомандующий армиями Восточного фронта генерал М. К. Дитерихс считал, что Омск оборонять невозможно, однако Верховный правитель адмирал А. В. Колчак требовал удержания столицы белой Сибири по политическим причинам. План Дитерихса сводился к образованию в глубоком тылу (в районе Томска, Новониколаевска и Мариинска) крупных стратегических резервов при оставлении на фронте заслона из сильных арьергардов² с тем, чтобы, уконтрактовав резервы, нанести контрудар. Однако выполнимость подобного плана в условиях развала колчаковского фронта и тыла и небоеспособности войск была крайне сомнительной. Отвод в тыл частей 1-й армии привел к тому, что они попали под эсеровское влияние и разложились, а сил на фронте осталось еще меньше. Как бы то ни было, в результате разногласий Дитерихсу пришлось оставить пост главнокомандующего, эту должность получил генерал К. В. Сахаров, обещавший Колчаку удержать Омск.

Сменились и другие представители высшего командного состава. 3-ю армию возглавил генерал В. О. Каппель, 2-ю – генерал С. Н. Войцеховский. Опытного генерал-майора П. Ф. Рябикова в должности начальника штаба главнокомандующего сменил сослуживец Сахарова генерал-майор В. И. Оберюхтин, по оценке генерал-лейтенанта Д. В. Филатьева, «совершеннейший младенец»³. Сам Филатьев стал помощником Сахарова по части снабжения.

Однако 14 ноября колчаковцы оставили Омск и начали отходить на Новониколаевск, город был занят частями 27-й стрелковой дивизии. В плен в районе Омска попало более 30 000 человек из тыловых частей, красным достались 31 000 винтовок, 19 миллионов патронов, около тыся-

чи пулеметов, 34 орудия, 199 000 ручных гранат⁴. Сдача Омска, по мнению колчаковского министра иностранных дел И. И. Сукина, обозначала конец конструктивного периода колчаковской эпопеи и переход к отчаянному спасению⁵.

Катастрофа колчаковского Восточного фронта разразилась. Из-за ошибок командования пострадали десятки тысяч солдат и офицеров. Опасаясь большевистских репрессий, с колчаковскими армиями отступали тысячи гражданских беженцев, в том числе члены семей офицеров и солдат. Преследование белых после взятия Омска было возложено на части 5-й армии, в состав которой 25 ноября из 3-й армии были влиты 30-я и 51-я стрелковые дивизии, в результате ее численность достигла 200 000 человек. Скорость преследования белых достигала 25–30 километров в сутки, иногда доходя до 40 километров в сутки. При таких темпах отхода белые не имели шансов закрепиться на каком-либо рубеже.

Управление отступавшими остатками колчаковских армий было нарушено. Войска, пытаясь оторваться от преследовавших красных, передвигались в эшелонах, растянувшихся на десятки километров, боевые части смешались с тылом, из-за закупорки движения в районе Новониколаевска паровозы замерзли, отступавшие пересаживались на сани (главнокомандующий генерал Каппель со своим штабом пересел на сани 22 декабря), двигались верхом и пешком, вместе с армией отступали тысячи беженцев. После отъезда из Омска Колчак фактически утратил контроль над ситуацией, постоянно колебался в принятии тех или иных решений. По свидетельствам очевидцев, Верховному правителю изменило и чувство реальности⁶. Все это добавлялось к прежним упущениям. Как отмечал генерал Щепихин, комплектованию штаба 2-й армии, видимо, не было уделено необходимого внимания, подбор кадров носил случайный характер, «ни спайки, ни даже простого содружества в работе не было и в помине... все чины сидели по своим уг-

¹ Воробьев В. Ф. Тобольско-Петропавловская операция. М., 1939. С. 81.

² Петров А. А. Эволюция планов командования белого Восточного фронта в сентябре–декабре 1919 года // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 308–309.

³ Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Воспоминания очевидца. Париж, 1985. С. 93.

⁴ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 336.

⁵ Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 510.

⁶ Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения... С. 96–97, 104.

лам, не имея особого желания встречаться и общаться с другими работниками штаба»¹.

О катастрофическом состоянии колчаковских армий свидетельствовал предшественник Щепихина на посту начальника штаба 2-й армии генерал-майор К.К. Акинтьевский. Он отмечал, описывая события сентября 1919 г. (с тех пор по мере отступления белых положение армии только ухудшалось), что «организация [2-й армии] по-прежнему оставалась самой безобразной. Армия силою в корпус — всего-то 27 000 бойцов — состояла из 85 отдельных частей. Целых 8 бутафорских дивизий и бригад силою от нормального батальона до трех... И всего 121 кадровый офицер на 1792 военного времени...

Эта уродливая организация с пышными титулами частей создавалась путем импровизации в порядке и условиях Гражданской войны и касаться ее сейчас не было ни времени, ни возможности. Приходилось брать вещи как они были, иного выхода не было.

1[-я] Сиб[ирская] армия, состоявшая из 2 «дивизий» (1[-й] Сиб[ирской] ген[ерала] Укке-Уговец² (из чехов) и 2[-й] Сиб[ирской] ген[ерала] Зиневича) и Егерской бригады, имела еще меньшую численность, чем наша армия, и не в пример худший по качествам состав, особенно офицерский, набранный в порядке партийной бело-зеленовщины.

3-я армия была самой лучшей по качествам и самой сильной по боевому составу. Численность ее превосходила нашу, по меньшей мере, раза в два. Большинство солдат были добровольцы, а офицерский состав имел много кадровых офицеров»³.

Положение усугублялось произволом недавних союзников белых — чехословаков, ранее охранявших Транссибирскую железную дорогу. Чехословаки теперь сняли с себя все обязательства и задерживали все русские эшелоны западнее станции Тайга, пропуская на восток только

свои собственные. Пользуясь бессилием белых, они повели себя как в завоеванной стране — отбирали у беженцев исправные паровозы и эшелоны, причем взяли в Красноярске даже два паровоза из эшелона самого Колчака! Генерал Каппель в этой связи вызвал командующего чехословацкими войсками генерала Я. Сырового на дуэль, но ответа не получил. В одночасье белые оказались отрезаны от своего тыла. Впрочем, никакой помощи от тыла нельзя было ожидать и без вмешательства чехословаков. Движение эшелонов по Транссибу осуществлялось «лентами» в одну сторону. Соответственно, в сторону фронта, если его так можно назвать, не могли двигаться ни эшелоны с пополнениями, ни с боеприпасами. К тому же ни тех, ни других не было. Тем не менее генерал Сахаров не оставлял беспочвенных проектов перехода в контрнаступление, в частности на Оби. Кроме того, он планировал свернуть 1-ю армию Пепеляева в корпус, что привело к печальным последствиям для самого Сахарова.

Темп отступления увеличивался. Если, по наблюдению генерал-майора Ф.А. Пучкова, от Тобола до Иртыша фронт отступал в среднем на 10 верст в сутки, то от Иртыша до Оби — на 12–13 верст, а от Оби до Томи — на 25–28 верст. Отдельные суточные переходы достигали 45 верст⁴. Разложение белых армий прогрессировало по мере ухудшения обстановки на фронте, затронув даже высший командный состав. Известно несколько случаев серьезных нарушений дисциплины колчаковскими генералами и штаб-офицерами в конце 1919 — начале 1920 г.

17 ноября 1919 г. во Владивостоке поднял мятеж против Колчака бывший командующий Сибирской армией Р. Гайда, ранее уволенный из армии с лишением чина генерал-лейтенанта. После подавления мятежа, поддержанного эсерами, Гайда был выслан в Чехословакию. Командующий Северной группой войск 2-й армии генерал-майор П.П. Гривин, несмотря на директиву не отходить без сопротивления, отдал приказ об отходе в район города Каинска (ныне — город

¹ Щепихин С.А. Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–20 гг. Дневник генерала русской службы С.А. Щепихина — бывшего начальника штаба войск белых армий в период Ледяного похода через Сибирь // ИИА. S.A. Shchepikhin collection. Box 1. С. 28.

² В документе ошибочно — Уго-Уговец.

³ Акинтьевский К.К. Гражданская война // ВАР. К.К. Akintievskii Papers. Box 1.

⁴ Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М., 2007. С. 321.

⁵ Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе // Каппель и каппелевцы. С. 417.

27 апреля появилось новое название антибольшевистских вооруженных формирований Забайкалья — Дальневосточная армия. Армия включала три номерных корпуса. Сменилось и командование армии. Генерал Войцеховский был командирован для связи с войсками генерала А.И. Деникина на Юг России¹. Новым командующим стал генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий, начальником штаба — генерал-майор К.К. Акинтиевский. 22 августа Лохвицкого сменил генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий. Начальником штаба армии с 28 июля стал генерал-майор Ф.А. Пучков.

Определяющее влияние для судьбы антибольшевистских сил в Забайкалье имела позиция японских оккупационных войск. РСФСР не собиралась втягиваться в военный конфликт с японцами, в связи с чем по решению ЦК РКП(б) была создана буферная Дальневосточная республика (ДВР), обладавшая фиктивной самостоятельностью². После того как положение ДВР окрепло, японцам 17 июля 1920 г. пришлось подписать Гонготское соглашение о прекращении военных действий и начать эвакуацию своих войск. Атаман Г.М. Семенов после этого в августе 1920 г. стал зондировать почву на предмет перехода на сторону советской власти³. Британская разведка во Владивостоке зафиксировала слухи об этом, отметив в аналитической записке о Семенове от 7 сентября 1920 г., что Семенов испортил отношения с японцами, с правым и демократическим лагерями, поэтому его возможный переход на сторону большевиков не будет вызывать удивления⁴. Предложение Семенова принято не было, а в ноябре 1920 г. белые войска через территорию Китая переехали в Приморье.

Вторая работа Щепихина также важна как источник. В воспоминаниях даются оценки положения белых в Забайкалье в первой половине 1920 г. глазами одного из руководителей каппелевцев. В этих воспоминаниях подробно

¹ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 23. Л. 256.

² Подробнее см.: *Саблин И.* Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. М., 2020.

³ Подробнее см.: *Шишкин В.И.* Неудавшийся политический зигзаг атамана Г.М. Семенова. Август 1920 г. // *Вестник архивиста.* 2018. № 1. С. 193–206.

⁴ Public Record Office. War Office. 106/1215. Semenoff. Л. 168. Выражаю благодарность к. и. н. В. Б. Каширину за предоставленные материалы.

описана история каппелевцев в первые месяцы после Сибирского Ледяного похода. Показаны непростые взаимоотношения командования отступивших в «семеновскую сатрапию» (выражение Щепихина) белых войск с атаманом Г.М. Семеновым и японскими интервентами, а также внутренние конфликты в руководстве самих каппелевцев. Критически отзывался Щепихин и о действиях своего начальника и друга генерала С.Н. Войцеховского, который готов был идти на уступки Семенову.

Щепихин подробно охарактеризовал порядки, царившие в Забайкалье при атамане Семенове. Регион, по его оценке, представлял собой «взбаламученное море, наполненное бандами разнообразных формирований»¹. От внимания мемуариста не укрылся и семеновский террор — бессудные расправы над реальными и мнимыми врагами атамана, происходившие в бронепоездах². Мемуарист встречался с выжившими жертвами террора и их родственниками, получая сведения от непосредственных очевидцев. При этом Щепихина невозможно заподозрить в симпатиях к большевикам, более того, описанные им жертвы даже не являлись для белых врагами. Речь шла о произволе и атаманщине.

Щепихин описал неприглядную действительность и при «дворе» Семенова. Например, засилье, даже в государственных решениях, работавшей на японцев любовницы Семенова ресторанной певицы М.М. Вотчер по прозвищу Маша-Шарабан. Описывает он коррупцию, интриги, сведение счетов, марионеточную зависимость Семенова от японского командования. Нарисованная белым мемуаристом, хотя и враждебным Семенову, картина разложения белого тыла подчас лучше иных работ советской историографии показывает причины победы советской власти в Забайкалье.

Детально охарактеризована Щепихиным оккупационная политика японских интервентов. Мемуарист, будучи офицером Генерального штаба и зная не понаслышке цену сбору таких данных, с горечью отмечал, что хозяйничавшие в За-

¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 9. Л. 15 об.—16.

² Это же подтверждал в своем дневнике барон А.П. Будберг, отметивший 25 ноября 1919 г., что семеновские бронепоезда побили «рекорды самой свирепой Чеки» (цит. по: *Ганин А.В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 632).

байкалье и на Дальнем Востоке японцы активно и беспрепятственно вели там разведку, составляли детальные карты, уточняли социально-экономический потенциал регионов, легально проделав ту работу, которая в обычное время была бы попросту невыполнима. Кроме того, они активно реализовывали свои экономические интересы, и ни одна крупная сделка не была возможна без их санкции.

Крайне низко Щепихин оценивал политические способности каппелевского командования. Наиболее яркая оценка на этот счет приведена им при изложении истории совещания старших начальников по вопросу об отношении к атаману Семенову. Щепихина поразило «море той политической безграмотности, в которой почему-то большинство не стеснялось признаваться, хотя мы жили и работали уже третий год в обстановке чисто военно-политической»¹. По оценке мемуариста, каппелевцы в Забайкалье оказались практически в полной зависимости от атамана Семенова и японцев, а ответственность за это Щепихин возлагал на политическую близорукость возглавлявшего каппелевцев генерала С. Н. Войцеховского.

Работа Щепихина дает представление и об общественно-политических взглядах ее автора. Помимо резкого антикоммунизма, Щепихин показал себя шовинистом и националистом. В его текстах содержится немало характерных эпитетов в отношении других народов. Например, японцев генерал именовал обезьянами. В межвоенный период Щепихин увлекся националистическими идеями — в удаленном из американского экземпляра воспоминаний фрагменте содержатся рассуждения о господствующих молодых нациях и тех народах, которые должны им подчиниться. При этом генерал плохо разбирался в различиях между народами и расами (в частности, в качестве народностей, остающихся независимыми, он называл персов, афганцев, индусов и негров). Слабо ориентировался Щепихин и в мировой географии. Так, за США в проекте грядущего переустройства мира генерал оставлял право осваивать «дикие страны се-

вера своего собственного материка»¹. О каких странах шла речь, осталось неизвестным.

Дневник и мемуары Щепихина содержат детальные, хотя и субъективные портретные характеристики лидеров антибольшевистского лагеря на Востоке России — генералов Г. А. Вержбицкого, С. Н. Войцеховского, М. К. Дитерихса, В. О. Каппеля, А. Н. Пепеляева, К. В. Сахарова, атамана Г. М. Семенова и многих других. Все это существенно расширяет наши представления об истории Гражданской войны на Востоке России.

Тексты публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок. В тех случаях, когда можно с достаточной уверенностью предположить, какие слова в публикуемых текстах пропущены, они восстанавливались в квадратных скобках. Унифицировано написание кавычек (так, С. А. Щепихин пишет слово «каппелевцы» то в кавычках, то без них), прописных и строчных букв. Раскрыты общепринятые сокращения (например, «т. н.» — «так называемый»). Исправлены ошибки в наименованиях населенных пунктов. Даты дневника унифицированы.

В комментариях все даты российской истории до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

Выражаю сердечную благодарность кандидату исторических наук Ф. А. Гушину за содействие.

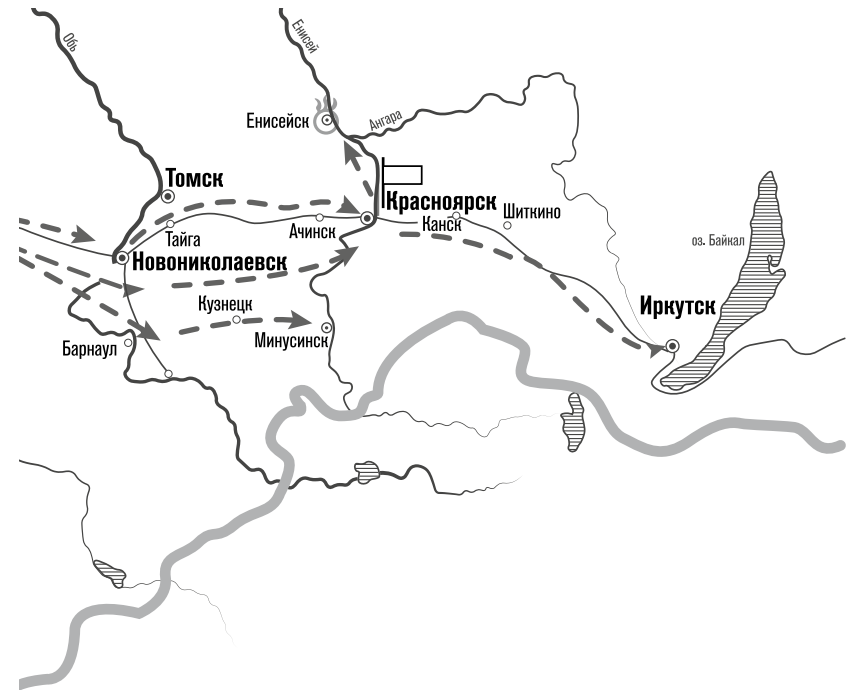
Все дополнения и замечания просьба присылать на электронный адрес andrey_ganin@mail.ru.

А. В. Ганин, доктор исторических наук

¹ Щепихин С. А. Каппелевцы в Чите в 1920 году или японская интервенция // ИИА. S. A. Shchepikhin collection. Box 1. С. 20.

¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 11. Л. 56.

Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–1920 годах

Оглавление¹

I. Тыл белых армий Восточного фронта накануне падения Омска

1. г[ород] Петропавловск — база 3-й армии генерала Сахарова
2. Железнодорожное сообщение Петропавловск — Омск
3. Омск: город и станция
4. Ставка адмирала Колчака
5. Генерал Дитерихс

II. Оборона и сдача города Омска

1. Назначение генерала Войцеховского
2. Крестonosцы — профессор Болдырев и Голицын
3. Смена главного командования (генералы Дитерихс и Сахаров)
4. Новое назначение генерала Войцеховского — командарм второй
5. Колебания на фронте и в тылу
6. Эвакуация и сдача Омска

III. Отход белых армий: первый этап — «от Иртыша до Оби»

1. Станция Татарская
2. Гибель генерала Гривина
3. Польская дивизия

4. Моряки адмирала Старка
5. Гибель Гвардейского батальона
6. По магистрали
7. Попытка сопротивления

IV. Второй этап: «Обь — Енисей»

1. Неудачный путч полковника Ивакина
2. Столкновение с поляками
3. События на станции Тайга: арест главнокомандующего генерала Сахарова
4. Большевицкие гнезда: Судженка и Боготол
5. Томские события и генерал Пепеляев
6. В кольце красно-зеленых партизан
7. Мы и чехи: меморандум, задержка адмирала, вызовы на дуэль
8. Ачинск: взрыв поезда Каппеля, совещание старших начальников и разведка Красноярска

V. Третий этап: «Красноярск — Нижнеудинск»

1. Восстание красноярского гарнизона и партизан Щетинкин
2. Между двух огней
3. Бой под Красноярском
4. В кольце. Прорыв в обход Красноярска
5. По Енисею на север
6. Ледяной поход по Кану
7. Второй Кан
8. Снова на магистраль: чехи — на хвосте чешских эшелонов. Поляки — сдача польской дивизии советским комиссарам

VI. Четвертый этап: «Нижнеудинск — Зима»

1. Атака города и его занятие белыми, каппелевцами
2. Совещание старших начальников: новое распределение по колоннам, назначение генерала Сахарова
3. Болезнь генерала Владимира Оскаровича Каппель и его смерть
4. Назначение генерала Войцеховского главнокомандующим всеми бывшими колчаковцами, а ныне — каппелевцами
5. Бой под станцией Зима

¹ Номера страниц рукописи С.А. Щепихина не публикуются. Несмотря на возвращенное оглавление, большая часть дневника не имеет подзаголовков.

6. Чехи: роль их в бою при станции Зима, трагедия с эшелонами и поиски выхода (переговоры по прямому проводу с белым командованием, попытки совместного действия с белыми...)
7. Совещание старших начальников: вопросы политические и военные — условия прохода мимо Иркутска и новое распределение по колоннам

VII. Пятый этап: «Зима — Иркутск»

1. Угольный район Черемхово: переговоры с рабочими организациями, условия прохода каппелевцев
2. Бои в колонне генерала Вержбицкого на Балаганском направлении
3. Подход к Иркутску
4. Планы командования и решение совещания старших начальников
5. Вмешательство чехов
6. События в Иркутске 7/8 февраля...

VIII. Шестой этап: «в обход Иркутска, по Ангаре и через озеро Байкал»

1. Обходный ночной марш
2. Через Ангару
3. На озере Байкал: подготовка перехода через озеро
4. Ночной марш по льду от Лиственничного до Голоустного¹
5. Ледяной поход через озеро Байкал
6. Встреча: японцы и семеновцы
7. Конец Сибирского похода: прибытие в город Верхнеудинск. Японцы и партизаны

¹ У С. А. Щепихина ошибочно — Голоустовского.

Дневник генерала русской службы С. А. Щепихина — бывшего начальника штаба войск белых армий в период Ледяного похода через Сибирь

24.X.1919 года (новый стиль), г[ород] Петропавловск. 11 часов дня¹

.....

Только что прибыл из Кокчетава, где оставил штаб Южной армии, в котором служил на должности начальника снабжений с июля месяца с[его] г[ода].

После мучительного похода через киргизские степи (от Актюбинска через Иргиз — Тургай на Атбасар) Южная армия генерала Белова¹ в первых числах октября вышла, наконец, из-под ударов преследующих ее красных дивизий и сосредоточилась у Атбасара, на земле Сибирского казачьего войска.

Здесь, в Атбасаре, был получен приказ адмирала Колчака², оповестивший о смене всего высшего командования Южной армии: на смену генерала Белова прибыл атаман Дутов³, встреченный всем населением казачьих станиц с колокольным звоном как избавитель.

¹ Так в документе.

Генерал Белов со всем своим штабом выехал в Омск, вот почему я очутился по пути туда в Петропавловске. В этом пункте были в то время сосредоточены тылы 2-й и 3-й белых армий генерала Лохвицкого⁴ и Сахарова⁵.

Много нового для меня, прошедшего в степи не менее двух месяцев, без связи с остальным миром.

От начальника снабжений 3-й армии генерала Георгиевского⁶ узнал все новости: генерал Дитерихс⁷ — главнокомандующий, генералы Пепеляев⁸, Лохвицкий, Сахаров и Дутов — командующие армиями фронта — первой, второй, третьей и Южной. Бывший начальник штаба Верховного (наштаверх), генер[ал] Лебедев⁹, командует отдельным конным отрядом на левом фланге 3-й армии. Весь фронт медленно отходит, и дни Петропавловска сочтены. Поэтому, а также вследствие перекрещивания в этом пункте тыловых дорог двух армий (второй и третьей), в городе и особенно на железнодорожной станции — невыразимая сутолока: учреждения второй армии считают себя обиженными и шлют горькие телеграммы в Омск, но командование 3-й армии, в полосе которой находится Петропавловск, бессильно помочь: одновременно с подвозом всего необходимого идет эвакуация складов и учреждений глубокого фронтового тыла.

Даже личное присутствие генерала Сахарова мало облегчает положение: ясно, что тылы были слишком долго задержаны вблизи фронта. Это обыкновенная, недальновидная тактика Сахарова, уже однажды погубившая (при эвакуации города Уфы весной этого года) много ценных запасов. Упрямство Сахарова в подобных положениях непреодолимо: он все еще надеется «выправить» фронт и обнадеживает, обнадеживает без конца и общественность, и главное командование.

У генерала Георгиевского прямо-таки опускаются руки: для него ясно, что многое из тылового добра, с таким трудом накопленного, вывезти не удастся.

Поздно вечером мне удалось найти с большим трудом место в вагоне профессора Военной академии генерала Медведева¹⁰: прекрасный пульмановский вагон, в котором помещаются три человека — генерал, его супруга и денщик... Двери в вагон — на замке, и вооруженный солдат на площадке вагона — любезность коменданта станции.

Медведев был только что в Екатеринбурге, где находилась огромная библиотека академии, вывезенная в свое время большевиками из Петрограда и попавшая в качестве военного приза в руки белых, которые теперь, в свою очередь, мытарятся с ней в этой невылазной сутолоке¹¹. Медведеву поручено было перевезти всю библиотеку в Томск, где нашла свой временный приют академия, но по халатности распоряжение было дано слишком поздно, и, по всей вероятности, этот драгоценный груз вместе с его хранителем попадет вновь к большевикам. Пускай они снова мучаются и таскают груз по необъятной Руси...

На заре отходил последний этапный поезд, к которому и прицепили наш вагон.

Всей своей натурой не выношу позорное зрелище всякого рода эвакуаций, да еще несвоевременно начатых: тогда порядок вырывается из рук начальника тыла и эвакуация протекает чисто стихийно, тогда она отвратительна и к ней более приложимо наименование — «бегство».

Наш поезд был облеплен с крыш до буферов и рессорных корзин людьми, и вся эта масса вопила, ругалась, гоготала... И это были еще счастливы — скольким не удалось даже и прицепиться, и они были в полном отчаянии, считая себя обреченными!! Большой вопрос — кто счастливее???

Лучше всего не видеть таких картин, но начальник должен знать, к чему приводят несвоевременные распоряжения.

По всей вероятности, под впечатлением описанных сцен у меня сложилось тут же определенное мнение — Омск не удержится.

25.X. Омск

Солнечный день и полное спокойствие и тишина. Фронт (и какой фронт!!) в двухстах пятидесяти верстах; фронт потрясенный, сломленный, с дезорганизованным и забитым грузами тылом переживает свою трагедию, а в Омске эпическое спокойствие и буколическая¹ тишина.

¹ Буколическая — здесь: безмятежная.

Омский железнодорожный узел правильно функционирует: очевидно, то, что я видел в Петропавловске, еще не докатилось сюда. Комендант станции деловито мне доложил, что рейсы этапных поездов не будут нарушены. Меня изумил подобный оптимизм. Что это: неосведомленность или легкомыслие!?!...

27.X

Совершенно неожиданно встречаю генерала Войцеховского¹², командира Уфимского корпуса армии Сахарова. Оказывается, поругался со своим командармом и с разрешения генерала Дитерихса оставил фронт. Веселенькая картина!!...

Мы, я и Войцеховский, воевали вместе под Уфой осенью 1918 г., когда Войцеховский принял от генерала чеха Чечека¹³ командование на уфимском участке, состоя еще в то время на чешской службе¹⁴. Весной следующего года там же, под Уфой, снова Войцеховский в роли командира корпуса¹⁵ в Западной армии генерала Ханжина¹⁶, где я был начальником штаба.

По вступлении в командование Западной армией генерала Сахарова отношения двух славных генералов как-то сразу не наладились: у Сахарова мелочный характер придиры-трынчика¹, непомерное самомнение и недостаток такта служебного. К тому же у Сахарова не было в достаточной мере авторитета: он не прошел того стажа Гражданской войны, который имелся за плечами Каппеля¹⁷, Войцеховского, Пепеляева и других.

В Гражданской войне начальник — вождь. Его авторитет основан на его личных качествах, а не на формальном моменте. Приказ сверху — еще далеко не все: можно поставить, назначить определенное лицо на ответственный пост, но сомнительно, чтобы оно получило самым только фактом назначения подобающий авторитет. Последний надо завоевать, а не получить из чужих рук.

¹ Трынчик — узкий ремешок.

28.X

С Сахаровым так и произошло: адмирал, вернее английский генерал Нокс¹⁸, выдвинули его на высокий пост и пренебрегли при этом недостаточным стажем этого генерала, в результате — постоянные столкновения с подчиненными генералами.

И отнюдь не тщеславием или завистью следует объяснить все происходящие с Сахаровым недоразумения: ни Войцеховский и, тем менее, Каппель за славой и отличиями не гнались — их душа возмущалась той беспринципностью, граничащей с наглостью самовлюбленного шута, с которыми Сахаров брался смело за дело, с которым, ясно было, он справиться не мог.

Адмирал с первых шагов своей диктатуры обнаружил свое отрицательное качество — неумение выбирать себе помощников, сотрудников, даже в области чисто военной: неудачный выбор его преследует с самого начала. Лебедев Дмитрий Антонович («Митька», как непочтительно называли наштаверха в низах армии), совершенно неподготовленный и неспособный к руководству оперативному в широком, даже просто армейском масштабе. Гайда¹⁹, еще менее подготовленный и совсем не столь даровитый, каким его рисуют себе чехи и, в частности, он сам. Наконец, Сахаров, ведший фронт сознательно или чисто интуитивно к катастрофе.

27.X

28.X

Сегодня я и Войцеховский направились к генералу Дитерихсу проситься в отпуск на Дальний Восток: оба мы были в положении безработных, и по всем данным нескоро еще призовут нас к делу. Между тем нервы уже поистрепались: я с самого начала Гражданской войны, т. е. с марта восемнадцатого года, не имел покоя и перерыва в работе — следовало использовать момент.

Дитерихс принял нас в своем вагоне: его кабинет-салон был весь украшен хоругвями, знаменами, значками и... иконами. Это была часовня какая-то, но не кабинет главнокомандующего. На гвоздях висели шапки с крестами вместо кокард: Дитерихс в это время предался всей душой добро-

Каппелевцы в Чите в 1920 году, или Японская интервенция

Оглавление

1. Каппелевцы в Верхнеудинске

- а) Столкновение с начальником японского гарнизона ген[ералом] Огата
 - б) Политическая обстановка в городе и его ближайших окрестностях
 - в) Военная обстановка
 - г) Отъезд ген[ерала] Войцеховского в Читу и последствия этого
- Приложение: Фотография атамана Семенова и Войцеховского
- д) Переезд в Читу штаба

2. Каппелевцы в Чите

- а) Первые шаги в Чите: Знакомство с атаманом, его окружение. Знакомство с Войсковым кругом. Первое столкновение с атаманом. Знакомство с японским командованием и с японской военной миссией. Штрихи японской интервенции
- б) Военное положение в Забайкалье: Военная мощь атамана. Бригада Унгерна. Значение японцев. Красные на Нерчинском участке
- в) Полное сосредоточение каппелевцев в Читу: Численный состав и характеристика частей. Реорганизация

3. Каппелевцы и атаман Семенов

- а) Совещание старших начальников

- б) Активность атамана против каппелевцев: Резкое изменение позиции японцев. Чешский вопрос. Позиция ген[ерала] Сахарова
- в) Политика атамана среди толщи каппелевских формирований

4. Каппелевцы и союзники

- а) Японцы и буфер
- б) Роль чехов и столкновение с ними
- в) Роль американцев
- г) Роль китайского представителя

5. Военные операции

- а) Юнкера на Ингоде и поведение японцев
- б) Стычка у ст[анции] Могзон¹
- в) Совместные действия с японцами
- г) Взаимоотношения каппелевцев (штаба) и японского командования

6. Внутренние дела каппелевцев

- а) Перемены в составе штаба
- б) Похороны Каппеля и его краткая характеристика
- в) Генерал Пепеляев и уход Сахарова
- г) Тыловые назначения

7. Бой под Читой

- а) Пасха 1920 года
- б) Наступление красных на Читу
- в) Бой под Читой
- г) Результаты боя политические
- д) Смена командования

8. Уход японцев из Читы

- а) Новая политика атамана Семенова
- б) Оставление японцами Читы
- г) Генерал Вержбицкий
- д) Последние дни Читы

¹ У С. А. Щепихина здесь и далее ошибочно – Мозгон.

9. Каппелевцы на Дальнем Востоке

- а) Снова каппелевцы и семеновцы
- б) Политика японцев.
- в) Земский собор и генерал Дитерихс
- г) Конец японской интервенции
- д) Распыление белых формирований
- е) Заключение: Судьба русской дальневосточной окраины

Японская интервенция¹

11 февраля 1920 года последний каппелевец стоял уже на твердой земле забайкальского берега озера Байкала.

Этой датой отмечается конец Сибирского похода остатков армии адмирала Колчака, далее эти войска вступают уже под защиту японского флага. Так откровенно признавался и генерал Войцеховский, беседуя о дальнейших наших планах с представителем японского командования полковником Фукуда на станции Мысовая.

Полковник Фукуда первым встретил нас по переходе Байкала: он выразил нам свое и всей японской армии восхищение в выражениях достаточно льстивых, по азиатской манере.

Никаких обещаний при этом не было дано прямо: говорилось намеками, что теперь «ваши герои» нуждаются в заслуженном отдыхе, что, вероятно, они и получают в Чите, у атамана Семенова.

За легким завтраком по случаю встречи один из японских офицеров с обезьяньими ужимками и строго конфиденциально, почти на ухо, сообщил мне, что население очень недовольно Семеновым, это обстоятельство сильно огорчает японское командование, и оно ищет выхода...

На мой прямой вопрос, какой же выход возможен, по его мнению, японец с улыбочкой сказал, полуспросил меня,

¹ Второе название рукописи, данное С. А. Щепихиным.

как бы отнеслись мы к замене атамана генералом Войцеховским.

Японцев я знал хорошо по японо-русской войне 1904–[190]5 годов, а потому совершенно здраво рассудил, что это пробный шар с целью выведать наши настроения. Надо было дать ответ, который, без всякого сомнения, немедленно будет передан в Читу и станет известен атаману.

Я сказал, что мы, каппелевцы, никаких планов себе не строим: нам надо отдохнуть, устроиться, а там видно будет.

Если атаман Семенов будет нашим союзником по продолжению борьбы с большевиками, то мы охотно останемся в Забайкалье. Если же наши дороги разойдутся, то мы тихо, но настойчиво покинем гостеприимную Читу и последуем дальше на восток. Японец загадочно заулыбался, всей своей мимикой выказывая полную солидарность с подобным решением.

Полковник Фукуда, очевидно, имел определенные инструкции, как с нами себя держать: он заявил, что мы в течение двух дней будем находиться под прикрытием японской части, выдвинутой с этой целью на Мысовую. В дальнейшем же мы должны рассчитывать лишь на свои силы. Так мы и записали себе. Атаман Семенов прислал своего представителя, полковника Крупского, с солидными запасами предметов первой необходимости, а главным образом медикаментов... Кроме того, нам предоставлялись поезда для быстрого увоза всего излишнего и небоевого в Читу: мы немедленно погрузили больных, раненых и семьи в поданные эшелоны и отправили на восток.

Через два дня наши части походным порядком выступили в район Верхнеудинска. Штаб генерала Войцеховского был переброшен туда же на бронепоезде «Забайкалец», любезно предоставленном атаманом.

У нас, штаба, по прибытии в В[ерхне]удинск было в запасе несколько дней, чтобы ориентироваться и разобраться в обстановке.

Начальником гарнизона в В[ерхне]удинске был командир бригады 5-й пех[отной] японской дивизии генерал Огата.

Этот генерал, несмотря на свой типично азиатский облик, был все же больше военный, нежели политик: не от-

кладывая в долгий ящик, без всяких ухищрений и сантиментов, генерал Огата сразу поставил нам ряд условий. Как содержание этих условий, так и способ, которым эти условия были нам переданы, не оставляли в нас сомнений, кто здесь, в В[ерхне]удинске, да и вообще в Забайкалье хозяин.

Прежде всего, в город ни одна наша часть не могла быть впущена, им предоставлялись окрестности, а в самом городе располагались одни штабы.

С этого пункта невозможно было сдвинуть упрямого Огату, и только наши настойчивые представления в Читу и полученные оттуда, от японского начальника дивизии генерала Судзуки, распоряжения (я думаю, не без протекций атамана) вынудили японского бригадира на некоторые уступки: нам разрешено было иметь в городе небольшую часть для непосредственной охраны, а также в помощь японцам по несению гарнизонных караулов...

Чем объяснить упрямство генерала Огаты?

Весь район Забайкалья за исключением узких полос вдоль железнодорожной магистрали и районов крупных центров административного управления, как Чита, В[ерхне]удинск и др., был наполнен партизанскими отрядами, бандами, политическая физиономия которых, по обыкновению, не была ясна.

Это были те же «Щетинкины» Забайкалья, но только в худшем издании: все они распылены на мелкие части, несущие названия или своих главарей, или по местам формирования. Самое формирование, возникновение этих партизанских шаек объяснялось одним обстоятельством — невозможностью будто бы жить покойно под скипетром Семенова.

Говорить здесь о влиянии большевицкой пропаганды не приходилось — последняя еще не просочилась сюда по многим причинам. Главная состояла в том, что Забайкалье издавна, еще до Колчака, было интернировано и здесь интересы союзников преобладали: в Чите — постоянный японский гарнизон, а район В[ерхне]удинска был в распоряжении американских войск, ушедших накануне нашего сюда прихода. А союзники, конечно, сумели бы себя огра-

дить не только от пропаганды, но и от нападений, и неприязненных действий вообще.

Деятельность атамана Семенова в период так называемой колчаковщины была если и не открыто враждебна адмиралу, то, всяком случае, с большим камнем за пазухой. Следовательно, он являлся, хотя, быть может, и против своей воли, прямым союзником тех, кто стремился к низвержению власти омской. Кроме того, большевики имели достаточно своей работы там, на западе, в полосе фронта, непосредственно им угрожавшего. Атаман же им был пока что не страшен... Ссориться с союзниками-интервентами — не входило в расчеты советской власти. Вот почему все восставшие против атамана элементы и не были объединены, а действовали каждый за свой риск и страх...

Нас очень и в первую очередь заинтересовал вопрос, чем же объяснить столь острую, прямо-таки звериную ненависть простого крестьянского населения против далекого, спокойно «управлявшего» в течение ряда лет атамана.

Когда мы прибыли в В[ерхне]удинск, к нам началось настоящее паломничество из среды той общественной и интеллигентской массы, которая, по-видимому, болела душой, взирав на создавшуюся обстановку в «сатрапии» атамана.

В частности, о Верхнеудинском уезде мы получили полную информацию.

До прихода интервентов, т. е. американцев, здесь безраздельно царили клеветы Семенова: в городе организовался свой застенек, нечто вроде большевицкого Чека, но без систематичности, продуманности программы ущемления последнего. Все делалось наспех, но не менее жестоко. Отсутствие же определенного плана и целей дискредитировало все мероприятия правительства атамана, низводя суровость на степень простой жестокости, в которой агенты атамана доходили до какой-то извращенности, садизма.

Особенный колорит придавало всем подобным мерам власти и то обстоятельство, что проводниками, исполнителями были чины Бурятской бригады.

¹ Так в документе.

Население уезда состояло из здоровых, устойчивых хозяйственно элементов, потомков когда-то давно сюда переселенных староверов и сектантов, много было в этом уезде и элемента ссыльных.

При царском режиме, не отличавшемся, конечно, особой мягкостью, все же был известный правопорядок, который редко нарушал налаженный обиход, и население себя чувствовало свободным, а оно было по своему духу свободлюбовиво. Беззастенчивая, безнаказанная эксплуатация новых властей, клеветов атамана, сразу создала оппозицию. Оппозиция была расценена как большевизм, и каша заварилась достаточно круто, и расхлебывать ее приходилось самому же атаману.

Если населению чисто казачьему в районе Читы отчасти еще импонировала маска выборного атамана, если бурятам льстило, что престол читинский занимает «бурятский князь», каковым себя объявил Семенов, то на прочее русское население эти фетиши никакого влияния не оказывали: это население довольно бурно реагировало на каждый административный промах и на каждое административное выступление отвечало «Жакерией»¹³⁴.

Верхнеудинская интеллигенция, между прочим, в первую очередь взятая на подозрение недальновидными представителями атамана, конечно, не оставалась безучастной, и здесь, в городе, столице уезда, вскоре образовался штаб идейный, который противопоставлял себя Семенову. Если этот штаб и не мог объединить всех повстанцев (а возможно, что это даже и не входило в его задачу), то, во всяком случае, он, штаб, питал повстанческие настроения духовно.

В самом В[ерхне]удинске с приходом сюда американских войск наступило сразу успокоение: все явно работавшие семеновские чрезвычайки должны были прикрыть свою деятельность или уйти в подполье, хозяином положения стал интервент, т. е. американцы.

Худо ли, хорошо ли, но американцы много способствовали одним своим присутствием успокоению этой провинции.

Но вот разыгрывается под Иркутском известная драма колчаковского правительства: на помощь был вытребован атаман. Скверно, неумело, а главное, неумно выполне-

Примечания

Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–1920 годах

- 1 Белов Павел Александрович (Виттекопф Ганс Георг Генрих (Ганс Альфредович)) (22.04.1881–1920) — генерал-майор. Командующий Южной армией (23.05–09.09.1919). Назначен в распоряжение Верховного главнокомандующего (приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 1074. 18.09.1919). Назначен помощником военного министра по мобилизационно-организационной части (24.10.1919). Начальник разгрузки города Омска (с 28.10.1919). Участник Сибирского Ледяного похода. Попал в плен под Красноярском. Расстрелян.
- 2 Колчак Александр Васильевич (04.11.1874–07.02.1920) — адмирал, Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий. Расстрелян.
- 3 Дутов Александр Ильич (05.08.1879–07.02.1921) — генерал-лейтенант, Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска, командующий Отдельной Оренбургской армией.
- 4 Лохвицкий Николай Александрович (07.10.1867–05.11.1933) — генерал-лейтенант, командующий 2-й армией (29.07–04.11.1919).
- 5 Сахаров Константин Вячеславович (18.03.1881–23.02.1941) — генерал-лейтенант, командующий 3-й армией (14.07–04.11.1919), главнокоманду-

- 6 Георгиевский Александр Герасимович (25.08.1868–23.05.1920) — генерал-майор, начальник снабжений 3-й армии. Заболел тифом и остался под Красноярском. Арестован ЧК и расстрелян.
- 7 Дитерихс Михаил Константинович (05.04.1874–08.10.1937) — генерал-лейтенант, главнокомандующий армиями Восточного фронта (с 20.06.1919). Отправлен в отставку 04.11.1919 и уехал из Омска в Читу.
- 8 Пепеляев Анатолий Николаевич (03.07.1891–14.01.1938) — генерал-лейтенант, командующий 1-й Сибирской армией.
- 9 Лебедев Дмитрий Антонович (06.01.1883–06.03.1928) — генерал-майор. Начальник штаба Верховного главнокомандующего и военный министр. После провала Челябинской операции заменен на должности начальника штаба генералом М. К. Дитерихсом (10.08.1919). Смещен с должности военного министра и назначен командующим Отдельной Степной группой войск на правах командующего армией (12.08.1919). В связи с упразднением Степной группы войск назначен командиром Уральской группы войск (16.11.1919), принимавшей участие в боях под Красноярском (01.1920). Участник Сибирского Ледяного похода, возглавлял одну из колонн вместе с генералом К. В. Сахаровым.
- 10 Медведев Александр Иванович (22.07.1853–05.1925) — генерал-лейтенант, ординарный профессор Военной академии.
- 11 Мемуарист неточен. Библиотека Военной академии была вывезена белыми из Екатеринбурга в Томск еще в 1918 г. Из Томска она была эвакуирована осенью 1919 г. во Владивосток, позднее попала на остров Русский и в итоге досталась красным в 1922 г. Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.
- 12 Войцеховский Сергей Николаевич (16.10.1883–07.04.1951) — генерал-майор, командующий 2-й армией, позднее —

- главнокомандующий войсками Восточного фронта, начальник колонны штаба фронта.
- ¹³ Чечек Станислав (13.11.1886–29.05.1930) — генерал-майор, командующий Поволжским фронтом Народной армии (с 20.08.1918), командующий дальневосточной группой чехословацких войск (с 18.10.1918). Организатор эвакуации чехословацких легионеров из Владивостока.
- ¹⁴ Полковник С. Н. Войцеховский 17.10.1918 был произведен Чехословацким национальным советом в генерал-майоры и в тот же день назначен командующим Самарской группой войск правительства Директории. 08.03.1919 Войцеховский был утвержден в чине генерал-майора адмиралом А. В. Колчаком.
- ¹⁵ С 01.01.1919 С. Н. Войцеховский командовал II Уфимским армейским корпусом Западной армии.
- ¹⁶ Ханжин Михаил Васильевич (17.10.1871–30.12.1961) — генерал от артиллерии, командующий Западной армией (24.12.1918–20.06.1919). В распоряжении Верховного главнокомандующего. Военный министр правительства адмирала А. В. Колчака (с 06.10.1919).
- ¹⁷ Каппель Владимир Оскарович (16.04.1883–26.01.1920) — генерал-лейтенант, командующий Московской группой армий и 3-й армией Восточного фронта (с 04.11.1919), заместитель главнокомандующего войсками Восточного фронта белых (с 14.11.1919). Главнокомандующий войсками Восточного фронта белых (с 11.12.1919).
- ¹⁸ Нокс Альфред Уильям Фортескью (30.10.1870–09.03.1964) — британский генерал-майор, глава британской военной миссии на Востоке России.
- ¹⁹ Гайда Радола (14.02.1892–15.04.1948) — генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией. Уволен из армии (10.07.1919), лишен чина (02.09.1919). В резерве Чехословацкого корпуса (с 22.08.1919). Поднял антиколчаковское восстание во Владивостоке (17.11.1919). Арестован и выслан в Чехословакию.
- ²⁰ «Крестоносцы» — участники добровольческих дружин Святого Креста, создававшихся на Востоке России во второй половине 1919 г. для борьбы с большевиками под религиозными лозунгами.

- ²¹ Болдырев Дмитрий Васильевич (20.04.1885–12.05.1920) — философ и общественный деятель, приват-доцент Пермского университета. Организатор добровольческого движения, товарищ председателя «Братства Св. Гермогена по организации дружин Святого Креста». Арестован в Иркутске. Умер в тюрьме.
- ²² Голицын Владимир Васильевич (09.07.1878–12.1919?) — генерал-лейтенант, начальник всех добровольческих формирований на Востоке России.
- ²³ Щепихин не совсем точен. Действительно, М. К. Дитерихс не прошел ценз командования полком, но в годы Первой мировой войны командовал 2-й Особой пехотной бригадой и объединенной франко-русской дивизией на Салоникском фронте (1916–1917).
- ²⁴ Речь идет о службе Д. А. Лебедева в Добровольческой армии на Юге России в декабре 1917 — феврале 1918 г. Генерал А. И. Деникин в то время еще не был командующим армией.
- ²⁵ Головин Николай Николаевич (22.02.1875–10.01.1944) — генерал-лейтенант, видный военный ученый. Приглашен адмиралом А. В. Колчаком на пост начальника штаба. Прибыл из Франции в Омск (14.08.1919). Участвовал в разработке плана Тобольской наступательной операции. Уехал в Японию (10.1919).
- ²⁶ Иностранцев Михаил Александрович (26.07.1872–05.12.1938) — генерал-майор, ординарный профессор Военной академии. Подробнее о нем см.: *Ганин А. В.* Михаил Иностранцев: судьба русского генерала // Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма. М., 2017. С. 7–75.
- ²⁷ Текелин (до 1915 г. — Гакенберг) Леонтий Августович (14.02.1881–1921) — полковник. В распоряжении генерал-квартирмейстера Восточного фронта белых.
- ²⁸ Каринская Мария Александровна (1882–1942) — певица, «королева цыганского романса».
- ²⁹ Бурлин Петр Гаврилович (30.07.1879–10.02.1954) — генерал-майор, и. д. 1-го генерал-квартирмейстера штаба Восточного фронта.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСБ	—	Архив Славянской библиотеки (Прага, Чешская республика)
вр. и. д.	—	временно исполняющий (исправляющий) должность
ВРК	—	военно-революционный комитет
ВЧК	—	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГА РФ	—	Государственный архив Российской Федерации (Москва)
генкварм	—	генерал-квартирмейстер
Главковерх	—	Верховный главнокомандующий
ДВР	—	Дальневосточная республика
и. д.	—	исполняющий (исправляющий) должность
командарм	—	командующий армией
наштаверх	—	начальник штаба Верховного главнокомандующего
РГВА	—	Российский государственный военный архив (Москва)
РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РЗИА	—	Русский заграничный исторический архив в Праге
РКП(б)	—	Российская коммунистическая партия (большевики)
ЦК	—	Центральный комитет
ВАР	—	Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)
НИА	—	Архив Гуверовского института (Стэнфордский университет, Пало-Альто, Калифорния, США)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абрамов (Абрамов-Зубарев) С. И. 206, 208, 210, 211, 489
 Абрамов Ф. Ф. 20
 Аверьянов П. И. 10
 Акинтиевский В. К. 481
 Акинтиевский Г. К. 481
 Акинтиевский К. К. 50, 52, 66, 101, 481, 496
 Александр II 501
 Алексеев М. В. 29
 Алымов А. А. 166, 485
 Андогский А. И. 187, 427, 488, 489
 Афанасьев М. И. 346–349, 357, 442, 445, 495

Б

Баиов А. К. 9, 10, 15
 Бакич А. С. 372, 497, 498
 Балабин Е. И. 38
 Бангерский Р. К. 191–193, 196, 197, 199, 205, 206, 239, 240, 243, 266, 300, 372, 373, 396, 424, 457, 458, 460, 461, 489, 498
 Барышников С. Н. 55, 170, 171, 180, 190, 217, 220, 239, 244, 245, 266, 268, 302, 418, 485
 Белов П. А. (Виттекопф Г. А.) 31, 32, 75, 76, 86, 372, 425, 476
 Березовский 356
 Бируля Г. Ю. 303, 304, 494

Благош Й. 290, 400, 401, 493
 Богословский Б. П. 180, 184, 185, 487, 488
 Болдырев В. Г. 187, 378, 379, 488, 499
 Болдырев Д. В. 72, 80, 88, 479
 Бонч-Бруевич М. Д. 24
 Бордзиловский А. В. 113–115, 229, 266, 302, 371, 482
 Борщевский 352–354
 Бражников Н. К. 14
 Брендель В. А. 95, 139, 203, 209–211, 213, 218, 221, 222, 224, 258, 424, 481
 Брендель Л. В. 221
 Брусиллов А. А. 25
 Бурлин П. Г. 84, 97, 100, 101, 184, 237, 242, 479

В

Вах Б. Э., фон 371, 497
 Вержицкий Г. А. 64, 66, 69, 74, 111, 113, 115, 187, 191, 198, 199, 202, 203, 211, 214, 216, 234, 238, 240, 244, 266, 268, 269, 271, 275, 279–283, 285, 287, 291, 293, 295–299, 302, 303, 309, 317, 331, 346, 371, 374, 381, 447, 453, 458–463, 481, 504
 Водовозов В. В. 37

Научное издание

Сергей Арефьевич Щепихин

Сибирский Ледяной поход

Воспоминания

Подготовка текста: А. В. Ганин

Редактор, корректор: Н. С. Самбу

Художественное оформление: М. А. Миллер

Верстка: С. В. Панфилов

Подготовка иллюстраций: П. М. Ермаков

Подготовка к печати: М. А. Рогова

Выпускающий редактор: Л. А. Катренко

Фонд «Связь Эпох»

123376, Москва, ул. Красная Пресня,

д. 28, стр. 2, оф. 305

Тел.: (499) 253 43 64

E-mail: fond@svyazepoh.ru

<https://svyazepoh.ru/>

ООО «Издательский центр «Воевода»

127543, Москва, ул. Лескова д. 13А, пом. 3П

Подписано в печать 1.12.2020

Формат 125 × 200 мм

Усл. печ. л. 24,6. Тираж 1000 экз.

Заказ № 8553

ISBN 978-5-9907253-1-7

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный двор»

142300, Московская область, г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1

Тел.: (495) 270 73 59

sales@chpd.ru; www.chpd.ru